

О.С.Ращупкина

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ СИМВОЛОВ ТРАДИЦИОННОГО КРЕСТЬЯНСКОГО МИРА В РАССКАЗАХ И.М.КАСАТКИНА 1920—1930-Х ГОДОВ

Статья посвящена вопросу отражения процесса десакрализации символов традиционного крестьянского мира в рассказах И.М.Касаткина 1920—30-х годов. Иван Михайлович — один из видных строителей советской литературы, творческое наследие которого мало изучено. И.М.Касаткин в своих статьях декларировал необходимость показывать новую советскую реальность, но число произведений, в которых воссоздается жизнь современной писателю деревни, пережившей глубинную трансформацию общественных форм взаимодействия и традиционного уклада жизни крестьянина, невелико. Анализ рассказов писателя «Галчата», «Ходоки», «Чудо», «Задуманный разговор», построенных в соответствии с эстетическими принципами изображения, характерными для практики соцказа и соцреализма, показал, что в них нашли отражение не только процессы строительства новой советской деревни и формирование нового сознания крестьянина, но и трагические страницы истории нашей страны: ломка коренных основ традиционной жизни деревни в послереволюционный период, которая привела к десакрализации таких важнейших составляющих дооктябрьского крестьянского мира, как монархия, православная вера, собственничество, труд на своей земле, индивидуальность личности крестьянина.

Ключевые слова: И.М.Касаткин, десакрализация, русская деревня, крестьянский мир, традиции, патриархальность, новая власть

Иван Михайлович Касаткин (1880—1938 гг.) — писатель, творческое наследие которого мало изучено, несмотря на то, что созданные им произведения активно издавались при жизни автора, а принадлежность Касаткина к видным строителям советской литературы выделяла его из числа многих талантливых свидетелей и участников революционных преобразований первых десятилетий XX века.

И.М.Касаткиным было написано более ста рассказов и повестей, посвященных, за редким исключением, жизни крестьян. Период творческой активности писателя приходится на 1909—1914 годы, число же произведений, созданных после революции, невелико, хотя Иван Михайлович, будучи редактором журналов «Красная нива», «Земля советская», «Колхозник», членом Всероссийского союза крестьянских писателей, позже переименованного во Всероссийское общество крестьянских писателей, руководителем Всероссийского союза писателей в 1929—1932 годах, был включен в активную литературную жизнь страны и признавал знаковость своего времени, называя его «наивеличайшей из эпох» [1, с. 243].

И.М.Касаткин декларировал необходимость изучать новую жизнь: «Литература приступает к установке на своих высотах новых прожекторов и телескопов, направляя их на панораму новых комбинаций жизни, где небывалым махом ладится всеобщая перестройка, вылупляется новый быт и новое обличье человека» [1, с. 243], но произведений, в которых бы он показал новый мир и нового человека, очень мало.

К числу причин, объясняющих факт творческого молчания, можно отнести:

— напряженную редакторскую и общественно-партийную работу И.М.Касаткина («19.01.2026 (...) Я как некий труп на перекрестке всех писательских дорог, через который шагают все со своими болями и радостями. Для себя совершенно некогда опомниться и подумать» [Цит. по: 2, с. 142]);

— творческий кризис, связанный с разочарованием в происходящем в литературной среде и в стране в целом, о чем свидетельствуют выдержки из писем к Семёну Подъячеву: «30.07.29 (...) В Москве, в литературных кругах и сферах, идет какая-то дикая склока, подсиживание, валка подножку и всяко... Нехорошо что-то», «8.02.1934 (...) Суета и суматоха сбивает с толку. Негде уединиться... Надо искать выход. А то беда!» [Цит. по 3, с. 33];

— понимание сложности задач, стоящих перед писателем, который должен видеть в сегодняшнем дне не только настоящее, но и будущее: «Наше время ставит перед художником суровое испытание на великую духовную зрелость и всепронизывающее ясновидение ближних и дальних точек эпохи перелома. <...> Не скажет ли нам суровый завтешний день, что эти произведения слишком несовершенны и мизерны, что они и в малой мере не обхватили бурно взвихренной на дыбы громадины жизни, и что в них, этих произведениях, в их стиле, манере, дыхании, слишком много любительского словесного выверта и затхлой вчерашней романтики, хотя и приподнятой так ловко и искусно на революционные воздуха...» (Орфография автора и авторская форма В.П. мн.ч. слова «воздух» сохранены. — О.Р.) [1, с.251];

— осознание необходимости временного интервала между историческим событием и его осмыслением, без чего невозможно настоящее творчество: «Художественное отображение не может шагать в ногу с текущим днем. Необходимо нарастание почвы, наслойка многих и многих «текущих» дней, плотно умятая стопами лет, если не десятилетий» [1, с. 243];

— особое отношение к писательскому труду: «А я именно таков, что подходить к этому делу (писанию — О.Р.) могу лишь как «к причастью» (Выделено мной. — О.Р.) [Цит. по 2, с. 140].

Совокупность названных выше причин определяет ценность тех немногих созданных в 1920—1930-е годы произведений И.М.Касаткина, в которых воссоздается жизнь современной писателю деревни, пережившей глубинную трансформацию общественных форм взаимодействия и традиционного уклада жизни, приведшую к десакрализации традиционных мировоззренческих установок крестьянина.

В рассказе «Галчата», над которым писатель работал в 1919—1922 годах, автор приводит разговор обычных деревенских мальчишек осенним вечером. Рассказчик сопоставляет собравшихся у избы старика Пахома Мухи ребят с галочьей стайкой. Мотив детства, заданный через образы детей, имеет в рассказе традиционную трактовку: дети — это отражение идеи гармоничного (естественного) развития будущего и благополучной социальной реальности настоящего. Заглавный образ рассказа «Галчата» отражает идею полной, сытой жизни: «Галок этих самых у нас нынче появилось ужасное число. Сытей народ жить стал, не иначе. <...> А галка — она хороший умолот завсегда чует, вот и летит невесть откуда. То же самое и с ребятами. Ребят у нас теперь по деревням — несусветная уйма! Пусть растут...» [4, с. 345].

Из диалога ребят мы узнаем, что Семка с товарищами в Митькином овине утром планируют «открыть совет»; дело это им представляется настолько важным, что на предложение сходить в Ошмятиху по грибы Семка отвечает: «Некогда». Он, назначив себя председателем завтрашнего совета, с вечера распределяет роли: Колька, Самылка и Гришан — большевики, малыши становятся сочувствующими: «Я зачну говорить, а вы вот этак руки подымать будете» [4, с. 345].

Игра детей — форма познания окружающей действительности — отражает реалии нового мира: большевики, заседания совета, председатель, сочувствующие, голосование... В этом новом мире нет уважения к царю, который в недалеком прошлом был для мужика-крестьянина царем-батюшкой: «Сколь разов царя-то видел. Бает, чиклявенький, ножки вроде как лапша. Пробежит этак, будто с испугу: брык, брык... А глазки, слышь, вороватые, жульи...» [4, с. 346], отрицается идея милосердия Бога: «На иконе бог завсегда красивый... И книги про него. Значешь читать — бог добрый. А сам, ежели што, живо в ад и запичужит», а традиционный символ — икона — нужен, по мысли Семки, лишь «для обману» [4, с. 346].

Дети моделируют в своих играх реальность, но их оценочные суждения сформированы под влиянием взрослых людей. Сегодняшние дети, утратившие уважение к авторитетам и веру, — это завтрашний день русской деревни. В нем нет места прошлому. Недаром старик — носитель традиций — получает от мальчика приглашение «поглядеть» на игру, а не поиграть. Прошлое не может изменить будущее. Постреволюционная деревня, переживающая десакрализацию традиционных столпов существования (царя и Бога), будет жить по новым законам и формировать новые традиции.

По-иному решается тема изменяющейся действительности в рассказе «Ходоки» (1923—1925 гг.). Композиционное противопоставление зримого пространства Москвы с ее автомобилями, шумными улицами, невообразимой сутолокой, разноголосыми заводскими гудками, отражающего идею прогресса и развития жизни, и заданного в репликах героев пространства вологодского села, в котором погорело девяносто два дома и был уничтожен огнем «храм божий во имя Николы-угодника, деревянный, замечательно древний...» [4, с. 351], усиливается портретной характеристикой мужиков, приехавших в столицу искать помощи у Михал-Ваныча (Калинина): «Три мужика в огромных **дикарских** (Выделено мной. — О.Р.) шапках и больших рукавицах, взбадривая мешки за плечами, шарахаясь от автомобилей, гуськом потянулись по шумным улицам Москвы» [4, с. 356]. Это последнее предложение рассказа подчеркивает чужеродность ходоков: они не вписываются в пространство столицы, в динамично развивающуюся новую жизнь.

Новая власть помогла погорельцам, выделив лес и ссуду: они построили новые дома, закупили инвентарь — все в рассказе крестьян отражает идею полноты жизни, ее благополучия: «Этот год, слава создателю, сильный урожай у нас был и на хлеба и на травы... зиму наши мужики бузуют в лесах, на заработках, и деньгу зашибают несусветную... скот у нас дюже молочный, маслу сбыт имеем... народ выпрямился, взбодрился, на ноги встал народ-то!» [4, с. 354].

Но крестьянам мало быть сытыми: «и о душе пора задуматься... душа тоже обновку просит» [4, с. 354], — так объясняют мужики принятое всем миром решение «соорудить заново... храм во имя святителя нашего Николы-чудотворца» [4, с. 355]. Но их хождение по местным исполкомам «насчет лесу» для строительства храма вызывает лишь смех у низовых представителей новой власти и ни к чему не приводит: «С самой осени мычемся впустую» [4, с. 353]. У мужиков остается одна надежда на помощь в возведении сгоревшей церкви «самого Калинина», которого крестьяне называют старостой, признавая, с одной стороны, его власть, с другой, — близость к простому мужику.

Очевидно, что они не будут услышаны. Прошлое время ушло безвозвратно, о чем свидетельствует реплика рабочего — посетителя чайной «Будь здоров», который участвует в разговоре: «Вот если бы вы школу затеяли — получай лес с почтеньицем! А на церковь — шалишь!.. С церковью опоздали: царь в Могилев уехал... Факт!» [4, с. 355].

Простой человек из народа — крестьянин, мужик — не готов с легкостью принять новую жизнь, в которой нет места вере, Богу, ибо сильны в нем вековые традиции. Но десакрализация уже запущена новой советской властью: не будут строить новые храмы, не будут восстанавливать утраченные древние, на которые «ученые глядеть приезжали издалека» [4, с. 351], а реплика хозяина чайной о том, что «Нынче под метелку метут святыню всякую... Православному лба покрестить стало некуда!» [4, с. 352], указывает на то, что власть вмешивается даже в частную жизнь человека: «стрикулист какой-то советский», назвавшийся инспектором, «полез и своими погаными руками снял иконку вместе с лампадкой...» [4, с. 352].

Один из ходоков «с апостольским лицом и унылым носом» говорит о происходящих в обществе изменениях: «Безобразие пошло в народе: праздники забыли, еду вкушают, лба не крестя, самокруткой женятся, младенцев крестить и рукой махнули...» [4, с. 352]. Это доказывает, что крестьянский мир утратил однородность: в нем есть те, кто забыл о традициях предков, есть те, чьи дети вырастут вне веры.

Случившийся пожар в сознании простого мужика — кара, гнев божий: «Всевышний глядел-глядел, терпел-терпел да и полыхнул все село!» [4, с. 352]. Но эта мысль отрицается рабочим: «Эх, дядя, чепуху ты порешь несусветную!.. Недаром волосами-то весь зарос, к стопам припадая... До больших годов дожил, а речи твои — ох глупые, слушать дико!» [4, с. 352]. Эти две реплики отражают разность взглядов прогрессивного рабочего и патриархального крестьянина — конфликт двух сознаний, миров, цивилизаций.

Мужики, приехавшие за помощью, не получают ее, они останутся не поняты, возврата к прошлому не будет, потому что в основе новой реальности лежат иные ценности, далекие от тех сакральных символов, которые были значимы для народа на протяжении многих веков.

В рассказе «Чудо», датированном 1927 годом, тема десакрализации решается сложнее. И.М.Касаткин предпринимает попытку создать модель нового мира, используя традиционные для поэтики его рассказов образы. Автор показывает нам глухое село, от которого до «чугунки чуть ли не сто верст». Выстраиваемый образный ряд (леса, болота, окружающие село) создает ощущение замкнутого пространства, далекого от цивилизации: «В слякотную пору ты к нам лучше не суйся: ни пройти, ни проехать» [5, с. 143].

В экспозиции рассказчик знакомит нас с жителями «окаянной сторонки»: «Есть старики суровых лет, а окромя своего поля да леса и свету не видывали. Такого ты и оглоблей не прошибешь, ежели насчет чего иного прочего толковать с ним!» [5, с. 143-144]. Образы древних стариков отражают идею закрытости и косности патриархального мира деревни, которая живет в тесном слиянии с природным миром (именно поэтому упоминается лес и поле).

Но постепенно иллюзия заповедного пространства разрушается: кроме стариков живут в селе и те, которые «уже на другой колодке плетены» [5, с. 144] (это представители следующего, младшего, поколения). А введение пространственного образа читальни, открытой «как раз насупротив церкви» [5, с. 144] и ставшей местом притяжения людей: «А у нас такая манера завелась: сойдутся люди будто к обедне, а сами больше в читальне околачиваются» [5, с. 144], — отражает процесс изменения сознания крестьянина.

Таким образом, в экспозиции противопоставлены два мира — традиционный, не принимающий перемен (предметный образ церкви, в которую ходят старики («из церкви повысыпало старичье» [5, с. 145]), и новый, устремленный к развитию (предметный образ читальни, в которой собираются мужики).

Художественным временем рассказа является время Рождества, отражающее идею великого чуда, сотворенного Богом. Создателем чуда в художественном мире рассказа становится Василий Курочкин — в прошлом крестьянин, в настоящем — машинист, работающий на лесопильном заводе. Он — носитель «новой веры» — притягивает к себе мужика: «а мы гурьбой за ним, как бараны» [5, с. 145], — говорит рассказчик.

Сила Василия в том, что он не только способен управлять теми мужиками, которые открыты для нового, но и влияет на сложившееся сознание представителей патриархального мира: они присоединяются к большинству, оказываются включены в общее дело. Так, автор рисует образ человека по прозвищу Гусак, который в прошлом был хозяином постоялого двора: он приносит в жертву ради общего дела старинный ведерный медный самовар. Этот предмет- символ традиционного крестьянского быта, достатка и полноты прошлой жизни, Василий демонстративно хоронит в земле. Но эта условная смерть самовара становится залогом прогресса, она обеспечивает рождение нового и прогрессивного.

Процесс создания чуда, осуществляемый мужиками под руководством Василия, становятся аллегорическим отражением исторических процессов строительства нового мира. Костер, который разжигают крестьяне, чтобы отогреть промерзшую землю, «того и гляди село спалит» [5, с. 145]. Этот образ соотносится с революцией, пламя которой обладает огромной силой... За образом самовара легко угадывается прошлое: оно должно быть забыто (мужики «даже снежком припорошили, будто ничего и не было» место, где закопали самовар [5, с. 146]). Крест, предмет религиозного поклонения, для Васяги — всего лишь самая высокая точка в селе, к которой нужно присоединить проволоку, чтобы сотворить чудо, и это становится знаком надругания над верой. Изба-читальня, в которой соединяются оба конца проволоки, идущей от креста и от земли, — новый мир светлого (коммунистического) завтра: в нее набирается столько народа, что «дыхнуть некуда» [5, с. 146]. В избе-читальне оказываются представители разных поколений, за образами которых считывается прошлое, настоящее и будущее крестьянского мира. Сознание этих людей, впервые услышавших радио, никогда не будет прежним. В этом и заключается главная идея рассказа: настоящим чудом является изменение мировоззрения человека под руководством носителя новой идеологии.

Десакрализация символов традиционного крестьянского мира получает в данном произведении не только предметное воплощение через образы колокольни и креста, которые теряют свою ценность для человека, попа Игнатия (носителя православной веры), пришедшего с другими в избу-читальню, о котором рассказчик говорит, что он «маленько с дуриной, от старости» [5, с. 148], что было характерно для более ранних рассказов писателя, но она реализуется через сложную структуру временной организации текста: совмещение чуда, произошедшего в сакральное для христиан время Рождества, и чуда, сотворенного Василием на Рождество, ставит под сомнение сам концепт веры: «Василий в толпе — как идол, рожа сияет, одно только просит: не напирать и не шуметь» [5, с. 147]. Художественная деталь (сияние не нимба, а рожи) указывает на то, что перед нами идол ложной веры.

Данная интерпретация позволяет увидеть диалектическую противоречивость в изображении И.М.Касаткиным русской деревни в переломные для нее периоды.

Спустя десять лет, в сентябре 1937 года, за четыре месяца до ареста писателя, на страницах газеты «Правда» будет опубликован его рассказ «Задумчивый разговор», в котором И.М.Касаткин изобразит новую колхозную действительность и новое обличье крестьянина.

Художественным временем произведения становится утро и полдень: «На рассвете я подходил к селу Игнатскому» [4, с. 366], «Солнце было уже высоко» [4, с. 369], это позволяет автору наполнить пространство рассказа солнечным светом, создать яркую картину счастливой жизни народа.

Гармоничный пейзаж: «красивейшие русские местности», «синеющие огромные просторы», «вспыхивающая блестками гладь пруда», «вызолоченные, косые лучи солнца» [4, с. 366-367] и множество художественных деталей отражают идею полноты жизни: «Слева дремало скошенное овсяное поле» [4, с. 366], «Передо мною высилась большая куча ржанных снопов» [4, с. 366], «Снопы подпирают под самую крышу навеса» [4, с. 367], «В полях, на так называемых бедных калужских землях, вязался в снопы обильный урожай» [4, с. 369], «Под ногами у ней росла и росла куча вязок» [4, с. 369].

Высок уровень жизни простого колхозника: «Сын просит: купи, мать, гитару. Дала сорок рублей. На, не жаль. Вина не пьет. Другой велосипед купил. Все одеты-обуты» [4, с. 370].

Молодежь думает об образовании: «Кончил я рабфак, но не сдал еще чертежи. А мне нынче в Красную Армию. Вот и подгоняю...» [4, с. 367].

В трудовую деятельность включены не только взрослые, но и старики и дети: «Народ кучками действовал и тут и там» [4, с. 369], «Оказалось, ноги принадлежат старухе, взвалившей на себя такую непомерную копну» [4, с. 368], «налетала крикливая стая ребятишек, охапками расхватывала готовые вязки и, отшлепывая босыми пятками, с гомоном неслась в поле» [4, с. 369]. В целом, идиллический хронотоп отражает идею счастливой трудовой жизни народа, живущего в колхозе.

В рассказах, написанных в 1920-е годы, И.М.Касаткин показывал, что революция и последовавшие за ней изменения сорвали крестьянскую жизнь со своих вековых якорей. Но за двадцать лет, прошедших после 1917 года, сознание крестьянина изменилось, была построена новая жизнь. Сложности периода перестройки, ломки коренных основ традиционной крестьянской жизни остались лишь в воспоминаниях стариков: «Ведь вот тоже, кабы записать, как мы забирали землю, как церковь ломали на материалы. Сильно интересная борьба была! Мы орудуем, а время смутное... Мы на барскую землю в ту пору уже крепко сели. А к Орлу валом подваливали белые! А землю мы делили по едокам, смеху куча! Но, невзирая, шестьсот пудов продрозверстки дали. И себя обеспечили. И меня удавить не успели. А теперь мы можем с песнями работать» [4, с. 369]. В нескольких словах инспектора по качеству Лаврентия Ивановича Пучкова — знаковые процессы трагических страниц истории страны: перераспределение земли, раскулачивание, отделение церкви от государства и упадок веры, гражданская война, продрозверстка.

Процесс десакрализации традиционного патриархального мира крестьянина за эти годы был завершен: давно разобрана на материалы церковь, похожее на часовню сооружение при ближайшем рассмотрении оказывается стенной газетой; рассуждая о собственных похоронах, Лаврентий Иванович говорит: «Мне, к примеру, попа даром не надо» [4, с. 368], он думает лишь о том, чтобы оркестр «такую панихиду отхватил», которую бы сам Совнарком услышал, и сказали там: «Лаврентий Иванович помер, инспектор по качеству, успокоилась неугомонная душенька...» [4, с. 368].

В новом мире формируются собственные мифологические традиции: «Стояла в Москве на самой главной местности башня, древняя, высоты несусветной. Но пришла пора-времечко, башню ту повалили, и на ее место из чистого камня-мрамора превознесла Советская власть Доску почета. И мы на той доске выше всех золотыми буквами записаны» [4, с. 368].

Новое время рождает собственных героев: «тут надо складывать новую сказку о полевом герое, который для общего счастья при лунном сиянии упорно подкрадывается к драгоценной жар-птице — науке и ловит ее за радужный хвост» [4, с. 367], «Высокая, худая бригадирша шла впереди всех устремленной, как бы летящей походкой» [4, с. 371].

Перед читателем разворачивается процесс сакрализации нового крестьянского мира — колхозного, наполненного солнечным светом и изобилием, верой в свои силы и торжество справедливости. Именно поэтому так оптимистичен открытый финал рассказа: «И зашагал... думая о добром, трудолюбивом, мужественном, умном народе, о его великом подъеме» [4, с. 371].

Анализ созданных в 1920—30-х годах рассказов И.М.Касаткина убеждает в том, что в них запечатлены признаки десакрализации таких важнейших составляющих дооктябрьского крестьянского мира, как монархия, православная вера, собственничество, труд на своей земле, индивидуальность личности крестьянина. На смену старым символам (царь, храм, икона, частное хозяйство, крестьянин-собственник) приходят новые мифообразы, образующие мировоззрение нового селянина: (человек-мастеровой, изба-читальня, общая собственность, коллективное хозяйство, трудовой коллектив). Рассказ «Задумчивый разговор» (1937), следуя принципам изображения, характерным для практики соцкаказа и соцреализма, рисует идеализированный образ советской деревни и ее жителей — людей с изменившимся за 20 послеоктябрьских лет сознанием.

1. Касаткин И. Литературные ухабы // Красная новь. 1923. № 7. С. 242-256.
2. Макина М.А. Из истории писательских взаимоотношений 1920—1930-х годов (по архивным материалам И.М.Касаткина) // Русская литература. 1979. № 4. С. 138-145.
3. Лебедева С.Н. «Устал я душой и всяко...» // Вестник Волжского университета имени В.Н.Татищева. 2014. № 4(17). С. 28-34.
4. Касаткин И.М. Перед рассветом. М.: Советская Россия, 1977. 384 с.
5. Советский рассказ 20—30-х годов. М.: Правда, 1987. 576 с.

References

1. Kasatkin I. Literaturnye uhabyy [Literary bumps]. Krasnaya nov', 1923, no. 7, pp. 242-256.
2. Makina M.A. Iz istorii pisatel'skikh vzaimootnosheniy 1920—30-h godov (po arhivnym materialam I.M.Kasatkina) [From the History of Writers' Relationships of the 1920s—1930s (based on the archival materials of I.M.Kasatkin)]. Russkaya literatura, 1979, no. 4, pp. 138-145.
3. Lebedeva S.N. "Ustal ya dushoy i vsyako..." ["I'm tired of my soul and everything..."]. Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N.Tatishcheva, 2014, no. 4(17), pp. 28-34.
4. Kasatkin I.M. Pered rassvetom [Before dawn]. Moscow, 1977. 384 p.
5. Sovetskiy rasskaz 20—30h godov [Soviet story of the 1920—1930s]. Moscow, 1987. 576 p.

Rashchupkina O.S. Desacralization of the symbols of the traditional peasant world in the stories of I.M.Kasatkin 1920—

1930s. This article is devoted to the issue of reflecting the process of desacralization of the symbols of the traditional peasant world in the stories of I.M.Kasatkin 1920—1930ies. Ivan Mikhailovich is one of the prominent builders of Soviet literature, whose creative heritage has been little studied. I.M.Kasatkin in his articles declared the need to show the new Soviet reality, but the number of works in which the life of a modern writer is recreated in a village that has undergone a profound transformation of social forms of interaction and the traditional way of life of the peasant is small. An analysis of the writer's stories "Galchata", "Walkers", "Miracle", "Heartfelt Conversation", built in accordance with the aesthetic principles of depiction, characteristic of the practice of social order and socialist realism, showed that they reflected not only the processes of building a new Soviet village and the formation of a new consciousness of the peasant, but also the tragic pages of the history of our country: the breaking of the fundamental foundations of the traditional life of the village in the post-revolutionary period, which led to the desacralization of such important components of the pre-October peasant world as the monarchy, the Orthodox faith, possessiveness, labor on their land, the individual personality of the peasant.

Keywords: I.M.Kasatkin, desacralization, Russian village, peasant world, traditions, patriarchy, new power.

Сведения об авторе. Ольга Станиславовна Ращупкина — аспирант кафедры филологии, лингводидактики и перевода, Нижневартковский государственный университет; преподаватель русского языка и литературы Муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Лицей»; ORCID 0000-0003-4132-4442; 77ros@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 16.08.2021. Принята к публикации 01.09.2021.

Ссылка на эту статью: Ращупкина О.С. Десакрализация символов традиционного крестьянского мира в рассказах И.М.Касаткина 1920—1930-х годов // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 5(38). С. 572-576. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.5(38).572-576

For citation: Rashchupkina O.S. Desacralization of the symbols of the traditional peasant world in the stories of I.M.Kasatkin 1920—1930s. Memoirs of NovSU, 2021, no. 5(38), pp. 572-576. DOI: 10.34680/2411-7951.2021.5(38).572-576